

тал я, не увидев почти ни одной церкви моего детства, кроме деревянной кладбищенской и бывшей лютеранской, превращенной в православную. А на месте кафедрального собора на высоком берегу Волги стоял 17-метровый памятник Ленину. Я был в Ульяновске всего один день. Увидел свой дом, в котором теперь размещалась поликлиника. Следует признать, что внешний вид города стал гораздо лучше. Все улицы заасфальтированы. Старые деревянные дома заменили новыми каменными. Город превратился в крупный промышленный центр, население которого приближалось к миллионной отметке.

Письмо от моей матери из Франции из самого Парижа наша большая семья встретила с большой радостью. Бабушка усмотрела в этом Божье провидение. Ко мне сразу же изменилось в лучшую сторону отношение некоторых членов семьи. Меня все поздравили. Теперь и у меня появились родители, и угроза попасть в сиротский дом больше не висела надо мной. Бабушка знала, что ускорить мое воссоединение с родителями можно только через Красный Крест, и она написала об этом моей матери. Переписка заняла несколько месяцев. За это время ушли из жизни дядя Жужа и тетя Оля, которые имели на меня большое влияние. Смерть этих близких мне людей ослабило надзор за моим поведением. У меня появилось больше свободы действий. Бабушка очень забеспокоилась, что улица стала на меня оказывать дурное влияние. В своих письмах к моей матери она писала о том, что ей уже стало трудно управляться со мной и что, если я останусь в России, мое будущее под большим вопросом. Наконец через Международный Красный Крест моим родителям удалось за большую сумму в качестве компенсации получить согласие Советского правительства на мой отъезд из России к моей семье во Францию.

Мой отец работал служащим в торговом доме «Самаритэн», основанном в 1870 году. Владелец его был известный филантроп гос-

подин Эрнест Коньяк. Отец попросил у него в долг сумму, испрашиваемую Советским правительством, и получил ее. Владелец «Самаритэн» всегда был внимателен к семейным проблемам своих служащих.

Получив от моей матери письмо о возможности моего скорого отъезда, бабушка решила меня приодеть. Она купила мне костюм, высокие ботинки со шнурками, фуражку. Меня постригли наголо и сфотографировали. Мою фотографию послали матери, чтобы она смогла узнать меня по прибытии моем в Париж. Когда мое фото увидел мой брат Владимир, он от удивления вскрикнул: «Он так похож на меня! Но как жаль, что он лысый». Во Франции детей не стригли наголо, а в России делали это из-за боязни появления вшей. А у меня, как и у всех детей моего времени, порой появлялись вши.

Наконец настал день моего отъезда. Это было в конце сентября 1926 года. Мне еще не исполнилось 11 лет. Дома мне устроили теплые проводы. Каждый подарил мне маленький ценный подарок на память о моем детстве в России. Мы пообещали обмениваться письмами. С тех пор я никого не видел, кроме Наташи и тети Ксении во время одного из моих приездов в Москву. Когда я уезжал, Наташе был всего один год, а теперь я увидел ее бабушкой. В день моего приезда тетя Ксения, которой было почти сто лет, скончалась.

Из Симбирска в Москву мы с бабушкой поехали на поезде. Ехали долго с длительными остановками и прибыли с двухчасовым опозданием. Остановились у наших родственников. Несколько дней спустя бабушка меня проводила на вокзал и сдала на руки женщине из Красного Креста, которой было поручено сопровождать меня и еще 5–6 детей, также выезжавших из СССР к своим родителям в разные страны Европы. Во Францию я ехал один. По пути на вокзал бабушка выглядела счастливой от сознания исполненной ею миссии. А когда наступил момент прощания, она